
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

БОЛѢЗНИ,

ВОПЛИ И МОЛИТВЫ.

И. К.

МОСКВА.
Въ Типографіи М. П. Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ:
1871.

От̀ъ Московскаго Комитета духовной цензуры печатать позволяется. 12 Января, 1870 года.

Цензоръ, профессоръ, протоіерей Филаретъ Сергіевскій.

I.

Болѣзни, вопли и молитвы,
Страдающей души моей,
Изъ самаго разгара битвы
Съ безуміемъ моихъ страстей,
У ногъ Твоихъ я полагаю,
Мнѣ Заступница и Мать,
И, беззащитный, уповаю
Я на Твою лишь благодать!—

Когда бъ не Пресвятая Дѣва
Насъ бѣдныхъ въ жизни берегла
Отъ злобы, клеветы, отъ гнѣва,
Давно бъ уже насъ пожрала
Зіяющая пропасть ада.
Но мы, на злость врагамъ, живемъ
И—жизни нашея Ограда!
Тебѣ хвалебну пѣснь поемъ:
Надежда нашего спасенья!
Обѣтовъ Божіихъ Скрижаль!
Избави насъ отъ озлобленія,
И исцѣли души печаль.—

II.

Участь наша горько-неизвѣстная:
Въ жизни скорби, а по смерти... страхъ!
Но—у насъ есть Мать на небесахъ:
Радуйся Невѣста неневѣстная!—

***

Всѣхъ скорбящихъ радость и покровъ!
Благодати тайну испытуя,
Не находимъ мы достойныхъ словъ,
Только пѣснь приносимъ: *аллилуйя*!—

***

Ты отъ бѣдъ, Владычица Небесная,
Рождествомъ Твоимъ спасла нашъ родъ,
И за то вся тварь Тебѣ поетъ:
Радуйся, Невѣста неневѣстная!—

***

Чудо страшное Твой Сынъ явилъ,
Крестной смертью грѣхъ нашъ искупуя,
И за то, отъ всѣхъ Небесныхъ Силъ
Слышитъ пѣснь согласну: *аллилуйя!*

***

Помощь завсегда была чудесная
Отъ иконы намъ Твоей святой;
Передъ ней поемъ, какъ предъ Тобой:
Радуйся, Невѣста неневѣстная!

***

О всепѣтая Царица—Мать!
Мы живемъ, всю нашу жизнь тоскуя:
Дай и здѣсь намъ радостно взывать,
И въ грядущемъ вѣкѣ: *аллилуйя!*—

III.

Тяжелый крестъ! тяжелый крестъ!
Страданье часто не по силѣ...
Ахъ, еслибъ далъ Господь донесть,
И отдохнуть хотя въ могилѣ!...

Все то, чѣмъ красенъ Божiй свѣтъ,
Что душу къ радости манило,
Все то, чего дороже нѣтъ,
Все... обмануло, измѣнило!..

Отъ горести унылъ мой духъ;
Меня смущали черны думы;
Ни вѣрить, ни молиться вслухъ,
Не смѣлъ я, мрачный и угрюмый...

Мой умъ на волоскѣ висѣлъ,
Вотъ-вотъ, казалось, оборвется....
Но Богъ мнѣ смерти не хотѣлъ,
И—сердце вновь свободно бьется.—

Онъ благодать послалъ мнѣ слезъ,
Въ купѣли слезъ душа очнулась,
Исчезъ туманъ унылыхъ грёзъ,
И Вѣра въ сердцѣ встрепенулась!—

Надежда улыбнулась вновь,—
И прежнее къ добру влеченье,
И къ небу прежняя любовь,
И къ людямъ всѣмъ благоволенье!

Спаситель мой! Отецъ и Богъ!
Тебѣ всю славу возсылаю,
И у Твоихъ святѣйшихъ ногъ
Святой Твой крестъ я лобызаю.—

IV.

Какая жизни нашей сладость
Безъ горя обходилась намъ?
Какой восторгъ, какая радость,
Не со слезами по-поламъ?..
За каждой нашею улыбкой
Какъ будто сторожитъ печаль;
Бываемъ счастливы ошибкой,
И счастья этого не жаль...
Все въ мірѣ суета суетствій;
Минутный гость здѣсь человѣкъ;
Средь первыхъ радостныхъ привѣтствій
Ужъ слышится, «прости навѣкъ!...»
Ахъ, полно полно забываться,
Друзья, въ гостинницѣ земной:
Не лучше ль намъ приготовляться
Заблаговременно домой?..

V.

Кто дастъ мнѣ крылья голубины?
Вспорхнулъ бы я и полетѣлъ
Чрезъ степи, черезъ горъ вершины,
За міра дольняго предѣлъ,
Туда, туда, гдѣ нѣтъ страданья,
Ни огорченій, ни страстей—
Изъ тягостной страны изгнанья,
Въ объятья родины своей!..

Страна небесъ! страна родная!
Забвенна будь вся жизнь моя,
Если тебя, жилище рая,
Когда-нибудь забуду я!—

Напрасно міръ сей окаянный
Старается меня прельстить:
Всѣ радости его мнѣ странны;
ъ земному сердце не лежитъ.

«Запой ты намъ повеселѣе,»
Мнѣ говоритъ лукавый міръ:
«Зачѣмъ скучать? живи вольнѣе,
Развеселись подъ звуки лиръ...»

Могу ли радостныя пѣсни
Сквозь слезы пѣть въ странѣ чужой?
Печаль и радость не совмѣстны,
И—неприличенъ мнѣ покой!—

Блаженъ, кто въ грѣшномъ сердцѣ пламень
Любви къ небесному сокрылъ,
И страсти всѣ объ Вѣры камень
Въ мелчайши дребезги разбилъ!—

VI.

Не облегчай, не облегчай
Креста мнѣ моего, Владыко,
И Боже мой, не ослабляй
Узды для воли моей дикой!—
Минута отдыха—и я
Опять стремлюсь на путь порока:
То гордость полонитъ меня,
То похоть плоти, похоть ока..
Мнѣ надобно терпѣть, страдать,
А быть счастливымъ не годится
Вѣдь мною Божья благодать
Сейчасъ во зло употребится.
Одно мнѣ благо, что смирилъ
Меня Ты, Боже милостивый,
Подъ иго Вѣры покорилъ
Мой разумъ гордый и пытливый.
Ахъ, не оставь же Ты меня,
Мой Царь, мой Богъ, мое спасенье!
Пусть буду ужъ несчастенъ я,
Но только дай Ты мнѣ терпѣнье...

VII.

Горько плачу и рыдаю,
Если, на пиру страстей,
Образъ смерти вспоминаю—
Гробъ съ остатками костей. .
Вотъ что съ нашей красотою!
Вотъ чѣмъ кончится она!
Подъ тяжелою землею
Въ гробѣ грязь червей полна....

Чудно наше назначенье—
Послѣ жизни умирать!
И откуда это тлѣнье
Къ намъ осмѣлилось пристать?..

Противъ Бога согрѣшившимъ,
Истлѣвать намъ суждено:
Не воскреснетъ, не согнивши,
Въ землю *падшее* зерно.

Прочъ же, прочъ, о ужасъ тлѣнья!
Въ сердцѣ слышенъ тайный гласъ,
Что по смерти ждетъ всѣхъ насъ,
Свѣтлый Праздникъ Воскресенья!...

VIII.

Страшно бушуетъ житейское море,
Буйные волны качаютъ ладью...
Въ ужасѣ смертномъ въ отчаянномъ горѣ,
Боже мой! Боже мой! къ Тебѣ вопію:
Сжалься надъ нами! спаси и помилуй!—
Съ первыхъ дней жизни доселѣ борюсь,—
Дальше бороться теряю ужъ силу,—
Сжалься, помилуй! Тебѣ я молюсь:
Къ пристани тихой Твоихъ повелѣній
Путь мой направь, и меня успокой,
Ты среди бурныхъ житейскихъ волненій
Путеводитель, Спаситель Ты мой!!—

IX

Доколѣ, Господи, доколѣ
Не перестану я грѣшить?
Покуда мнѣ на глупой волѣ
Безпутно и безумно жить?
Когда къ Тебѣ переселюся
Въ небесный свѣтлый Твой чертогъ?
Когда слезами насыщуся
Я у Твоихъ святѣйшихъ ногъ?
Пересыщенъ я суетою;
Мнѣ опротивѣлъ жизни грѣхъ;
Ахъ, лучше день одинъ съ Тобою,
Чѣмъ тысячи земныхъ утѣхъ!—
Скажи мнѣ Господи, кончину,
Скажи число моихъ мнѣ дней!
Когда я этотъ міръ покину?
Когда пойду изъ жизни сей?...

Увы мнѣ, странствованье длится,
И мой еще не конченъ путь...
Когда жъ велишь къ тебѣ явиться,
И у Тебя мнѣ отдохнуть?.

X.

Зачѣмъ отъ Твоего святѣйшаго лица
Отринулъ Ты меня, о Свѣтъ Незаходимый?
И на пути моемъ ни слѣду, ни конца,
Не вижу я, тоской и темнотой томимый?
Куда иду, зачѣмъ, увы... незнаю самъ,
И спотыкаюся, и падаю, и плачу,
И свѣта-радости нѣтъ плачущимъ очамъ,
И въ заблужденіи всю жизнь мою я трачу...
О Боже мой! на семъ погибельномъ пути
Не презри Ты моихъ ни воплей, ни моленій,
И заблудившаго меня Ты обрати
На свѣтлый путь Твоихъ божественныхъ ве-
лѣній.—

XI.

Произнесу мою молитву,
И раскажу мою печаль:
Зачѣмъ, о Боже мой, въ ловитву
Меня Ты горестямъ отдалъ?—
Толпой со всѣхъ сторонъ напали
На беззащитнаго меня,
Какъ адъ, ужасныя печали,
И душу воротятъ со дна.
Ни отдыха, ни утѣшенья,
Не выпало на долю мнѣ.
Среди смертельнаго томленья
Я, какъ Iона въ глубинѣ,
Кричу какъ будто изъ могилы:
Спаси меня, о Боже мой!
И для терпѣнья дай мнѣ силы,
И по терпѣньи дай покой!—

XII.

«Увы, друзья, на свѣтѣ нѣтъ друзей!»,
Гласитъ намъ вопль обманутаго сердца:
Нѣтъ дружбы, нѣтъ любви въ пустынѣ сей
Для бѣднаго съ небесъ переселенца!..

Покойника сегодня хоронятъ,
А «неутѣшная его супруга,»
Что съ нимъ клялася жить и умирать,
Смотри—ужъ новаго имѣетъ друга!..

Къ усопшей матери дитя прильнувъ,
Рыдаетъ, и за ней въ могилу рвется;
Чрезъ часъ — на рѣзвыхъ сверстниковъ взглянувъ,
Уже, невѣрное, сквозь слезъ смѣется.....

А тѣ, что легкомысленно зовемъ
Мы нашими «любезными друзьями,»
Едва сойдутся гдѣ нибудь вдвоемъ,
Ужъ вѣрно насъ терзаютъ языками!..

Нѣтъ дружбы, нѣтъ любви въ пустынѣ сей,
Для бѣднаго съ небесъ переселенца!
И за невѣрную любовь людей
Благодарить должны мы Сердцевѣдца:

Ни вѣрность дружбы, ни любовь родныхъ,
Ничто такъ не привязываетъ къ жизни,
Чтобъ мы должны для радостей земныхъ
Забыть небесной радости отчизны.—

Друзья всѣ наши тамъ—на Небесахъ!
Съ любовью пламенной, неугасимой,
Они воспоминаютъ насъ въ мольбахъ
Предъ трономъ Благости Непостижимой.

Одинъ изъ нихъ, Хранитель-Ангелъ нашъ
И днемъ и ночью бодрствуетъ надъ нами;
Когдажъ ударитъ смерти нашей часъ,
Онъ душу нашу осѣнитъ крылами,

И съ нею полетитъ въ тотъ чудный свѣтъ,
Превыше видимаго неба свода,
Гдѣ нашихъ горестей и тѣни нѣтъ,
Гдѣ Солнце правды свѣтитъ безъ захода!..

XIII.

И ночью и средь бѣла дня,
Не знаю самъ, за чѣмъ вздыхаю,—
Среди утѣхи бытія
О смерти тайно помышляю....
Я не страшуся мысли сей,
Она съ душой моей сроднилась;
Она пріятна мнѣ, и въ ней
Вся тайна жизни заключилась.
Что страшнаго въ ней можетъ быть?
Умрешь? тебя ужъ здѣсь не будетъ?..
Пусть будешь ты людьми забытъ,—
Творецъ творенья не забудетъ!—
Другой, прекраснѣйшій есть свѣтъ!
Вся наша жизнь—къ нему стремленье!
Вотъ тамъ ужъ воздыханья нѣтъ,
Но безконечное веселье.—

XIV.

Не знаю я самъ себя,
Домой пришедши изъ бесѣды:
Совсѣмъ ограбили меня
Собранья, балы и обѣды.
Лишили духъ мой тишины,
Отняли у меня молчанье,
И изъ душевной глубины
Изторгли на судьбу роптанье...
Нѣтъ! лучше скромно пребывать
Въ домашней, безмятежной клѣти!
Есть дома душу чѣмъ занять:
Своя семья, жена и дѣти.—
Пока вдали людей живешь,
Безъ лжи свободно обойдешься:
Хоть ложь услышишь, хоть солжешь,
Сейчасъ, когда съ людьми сойдешься...

XV.

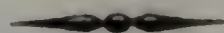
Кто цѣломудрія лишился,
Тотъ счастье самъ свое убилъ,
Отъ благодати обнажился,
И миръ душевный погубилъ.
Хотя бъ потомъ труды, напасти,
И укротили буйну плоть,
Но онъ душевной своей страсти
Не можетъ скоро побороть.
Увы, его воображенье
Навѣкъ грѣхомъ отравлено:
Души и тѣла оскверненье
Рисуетъ нехотя оно.—
Ни мудрость старческаго сана,
Ни опытность, ни сѣдина,
Не сильны сдѣлать, чтобы рана
Въ душѣ была залечена.—
Съ такой испорченной душею,
Захочешь ли другихъ учить?
Увы, ты повѣстью твоею
Способенъ только соблазнить!...

Въ грѣхахъ погрязшіе, мы сдуру
Пустились всякій вздоръ писать,
И «свѣтскую литературу»
Устроили себѣ подъ стать.
Нечистая любовь двухъ половъ,
Да болтовня о пустякахъ,
Да описанье разныхъ вздоровъ—
Вотъ что мы пишемъ второпяхъ!—
Все это—нашихъ чувствъ обманы!
Ударитъ грозный смерти часъ...
Всѣ повѣсти и всѣ романы
Тогда ужъ не утѣшатъ насъ....

Писатель! вмѣсто предисловья
Молитвой трудъ свой начинай:
Избавь, Христе, отъ празднословья,
И цѣломудріе мнѣ дай!—

XVI.

Не торопись перемѣнять
Тяжелый крестъ на крестъ легчайшій,
Не отрекайся допивать
Всю желчь изъ горькой жизни чаши.
Пусть будетъ такъ, какъ Богъ велѣлъ:
На то Его святая воля!
Отъ нашихъ злыхъ, иль добрыхъ дѣлъ,
Такая же у насъ и доля.
Вотъ, кажется, бѣда прошла,
Затихли, кажется всѣ страсти,
А горе ждетъ изъ-за угла, —
Опять бѣда, опять напасти!..
Тогда лишь цѣну узнаёмъ
Небесныхъ къ намъ благодѣяній,
Какъ эти блага, день за днемъ,
Изъ нашей ускользаютъ длани.
Святой законъ: *не пожелай!*
Доволенъ будь своей судьбою,
Хотя бъ мечты сулили рай,
Доволенъ бѣдностью твоею.—

XVII.

Воскресенья свѣтлый день!
Просвѣтимся торжествуя!
Прочъ малѣйша злобы тѣнь!
Всѣхъ обнимемъ мы цѣлуя!
И врагамъ, клянущимъ насъ,
Все простимъ для Воскресенья!
И смѣшаемъ пѣсни гласъ
Со слезами умиленья:

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!
И смертью смерть попралъ!
Изъ ада вывелъ смерти жертвы,
И жизнь намъ вѣчну даровалъ!—

XVIII.

От изувѣрства избѣгая,
Два Славянина-юнаки
Сошлись на берегу Дуная,
И у родной своей рѣки
Побратались, пораспросились:
—Откуда ты, мой милый братъ?
Добро ль тамъ жить, гдѣ вы родились?
Легко ль тамъ горе горевать?—

«Ахъ, брате, тяжка наша доля!
Я изъ турецкой стороны:
Жизнь наша—каторжна неволя;
Мы на убой обречены.
Пока Французъ да Англичане
Съ Султаномъ дружбы не свели,
Тогда еще и мы Славяне
Подъ Туркомъ какъ-нибудь жили.

Теперь у насъ... *цивилизанье!*
Насъ бьютъ и рѣжутъ какъ ягнятъ,
А хочешь жить,—такъ обрѣзанье
Прими, и будь ты ренегатъ.
Честь нашихъ женъ и дочерей,—
Ничто у насъ не безопасно;
Берутъ дѣтей отъ матерей,
И изувѣрствуютъ ужасно.....
За право голову носить,
Пока ее съ плечей не снимутъ,
Должны мы выкупъ заплатить,
А не заплатишь,—все отнимутъ.
И помолиться не даютъ
Намъ въ храмѣ Божіемъ по волѣ,
Тиранятъ насъ, сѣкутъ и бьютъ...

А ты, братъ милый мой, отколѣ?»

—Я изъ Цесарской стороны,
И наша, брате, доля злая:
Подъ власть мы Нѣмцамъ отданы,
Страдаемъ, вѣкъ нашъ доживая.
Намъ всѣмъ быть Нѣмцами велятъ,
Языкъ и вѣру отнимаютъ,
Читать, молиться и писать
Намъ по-слваянски запрещаютъ.

Изъ Славянина Нѣмцомъ быть—
Вѣдь это такъ же ренегатство!
Цесарцы не могутъ простить
Родного намъ съ Москвою братства.
О горе намъ!—

«О горе намъ!»
Два брата обнялись и сѣли,
И по Дунайскимъ берегамъ
Слова ихъ пѣсни полетѣли:

«Россія, Россія—Славянская мати!
Ужели не хочешь дѣтей защитить?
Ужели не видишь,—хотятъ супостаты
Славянское племя съ земли истребить?..
Единое рцы намъ твердое слово,
Какъ людямъ мыслить? гдѣ нашъ покой?
Славянское племя давно ужъ готово,
Куда повелишь, идти за тобой.
Глумиться надъ нами врагамъ не дадимъ!
Пускай же горятъ наши села и хаты!
Мы сами зажжемъ, и всѣ убѣжимъ
Къ тебѣ, о Россія—Славянская мати!»—

XIX.

Въ трудахъ, отъ юности моей,
Смирился я и изнемогъ;
Не видѣлъ я прохладныхъ дней;
Какъ сѣно, отъ тоски изсохъ.

***

Подобно сокрушенной трости
Увянулъ я, не разцвѣтавши,
И грѣшныя дряхлѣютъ кости,
Силъ мужества не испытавши.

***

Разбитый глиняный сосудъ—
Точь-въ точь такая жизнь моя!
Гожусь ли я къ чему-нибудь,
О томъ совсѣмъ не знаю я...

***

Тяжелъ конецъ грѣховной жизни!
Погибельны плоды порока!
Тоска и сердца укоризны
Могилу роютъ мнѣ до срока....

***

Брожу по свѣту самъ не свой;
И жалокъ я моимъ друзьямъ:
Киваютъ грустно головой,
Когда я руку имъ подамъ...

* * *

Возможно ль мнѣ еще спасенье?
Или—погибну я, тоскуя?..
Ахъ, нѣтъ! Господь мнѣ заступленье!
Къ Нему съ молитвой припаду я:

* * *

Спаси, Христе, и сохрани
Меня отъ обышедшихъ бѣдъ!
Грѣхъ юности не помяни,
И сгладь въ душѣ порока слѣдъ!

* * *

И новый духъ и сердце ново
Дай рукъ Твоихъ святыхъ творенью!
Готово, Боже мой, готово
Мое ужъ сердце къ возрожденью!...

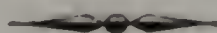
XX.

Святитель Божій, Отче Николай!
Наставникъ Вѣры, образецъ смиренья!
Услышь меня, и помощь мнѣ подай
Томимому тоскою искушенья.—
Тебѣ извѣстна скорбь души моей,
Тебѣ извѣстны всѣ мои напасти;
Передъ тобой грѣхъ юности моей,
И всѣ мои губительныя страсти.
Ахъ, помоги жъ мнѣ жизнь перестрадать,
И научи въ страданіи терпѣнью.
Ты получилъ отъ Бога благодать
Всѣхъ грѣшниковъ руководить къ спасенью:
Спаси же душу грѣшную мою
Твоимъ ходатайствомъ, Святѣйшій Отче!
И я, оправданный, да воспою:
Радуйся, Николае, Великій Чудотворче!—

XXI.

Не то я дѣлаю, что хочется,
Но то, что ненавижу самъ:
Душа на небо къ Богу просится,
А тѣло наровитъ къ грѣхамъ.
Война въ душѣ моей ужасная,
И мира нѣтъ въ костяхъ моихъ;
Противъ разсудка похоть страстная
Воюетъ безпрестанно въ нихъ.—
Разумныя въ дѣлахъ рѣшенія
И всѣмъ совѣты подаю,
А самъ грѣхи и преступленія
Я новыя что-день творю...
Бѣда мнѣ окаянному!
Когда избавлюсь я страстей?
Когда пристану я къ избранному
Семейству Божіихъ дѣтей?—

Царю Небесный—Утѣшителю!
Приди, исправь меня Ты Самъ!
Души и тѣла исцѣлителю!
Не дай меня пожрать страстямъ.—

XXII.

Нынѣ съ миромъ отпущаешь
Ты меня изъ жизни сей,
И Владыко, отверзаешь
Дверь мнѣ вѣчности Твоей.
Не смущаюсь, не пугаюсь
Перемѣны этой я:
На Тебя я полагаюсь,
Милосердый Судія!—
Вижу, вижу я спасенье,
Уготованное намъ!
Намъ Господне Воплощенье
Путь открыло къ небесамъ!
О Божественная слава!
Откровенья чудный свѣтъ!
Смерти попрана держава!
Осужденья больше нѣтъ!!—

XXIII.

Ахъ, если бъ снова возвратился
Великій Постъ—спасенья стражъ!
Едва три дня, какъ прекратился,
А страсти повлекли ужъ насъ...
Тучнѣетъ тѣло; умъ тупѣетъ;
Воюетъ противъ духа плоть;
И кто же безъ поста успѣетъ
Наклонность къ звѣрству побороть?..
Какъ тигры, жадничаемъ мяса;
Какъ волки, встрѣчнаго мы рвемъ;
Какъ у лисицы—хитрость наша,
Лѣниво, какъ ослы живемъ.
А если совѣсть наединѣ
Спроситъ про тайныя дѣла...
О Боже дивный! сколько зла!
Мы—тѣжъ запачканныя свиньи.....

XXIV.

Куда дѣвался ты, старикъ,
Сѣдой какъ лунь, съ душой младенца?
Съ тобой молиться я привыкъ
Во храмѣ Бога-Сердцевѣдца.
Приду, бывало, въ Божій храмъ,
Житейскимъ горемъ изнуренный,
Смотрю—а ты всегда ужъ тамъ,
Стоишь колѣнопреклоненный,
И тихимъ шопотомъ твоимъ
Молитву церкви повторяя,
Ты мнѣ казался не земнымъ,
Но пришлецомъ въ нашъ міръ изъ рая.
Смотря на твой молебный ликъ,
И я молитвой озарялся.
Куда жъ дѣвался ты, старикъ?
Давно ужъ въ церковь ты являлся!

Увы, тебя ужъ съ нами нѣтъ!
Ты въ лучшій міръ переселился,
Исполненный маститыхъ лѣтъ,
Безъ горя ты съ землей простился.
Хоть безъ тебя и скучно мнѣ,
Но я отъ сердца поздравляю
Тебя на новой сторонѣ,
Куда и самъ давно желаю.
О добрый старецъ! помолись
Спасителю въ странѣ небесной,
Чтобъ мы опять съ тобой сошлись—
Уже не здѣсь, но въ жизни вѣчной.—

XXV.

Гдѣ ты, сынъ мой незабвенный,
Гдѣ ты, милый мой Андрей?..
Плачу, горемъ сокрушенный,
Надъ могилою твоей...
Полный жаждою ученья,
Ты на вѣкъ покинулъ насъ,
И во храмѣ просвѣщенья,
Какъ лампада, ты угасъ.
Ахъ, явись хоть на мгновенье!

Прилети, встрѣчай меня,
Когда въ горнее селенье
Воспаритъ душа моя!...
Заключу тебя въ объятья,
Ненаглядный, милый мой!
И безплотные, какъ братья,
Полетѣли бъ мы съ тобой

Выше, выше, въ край надзвѣздный,
Въ тотъ превыспренній чертогъ,
Гдѣ Творецъ міровъ предвѣчный,
Гдѣ Спаситель нашъ и Богъ!—
Не могли бы мы словами
Славить Вѣчную Любовь,—
Такъ горячими слезами
Помолились бы безъ словъ:

О сладчайшій нашъ Спаситель!
Наши всѣ грѣхи прикрой,
И въ небесную обитель
Насъ прими, и упокой!—

XXVI.

И такъ—онъ съ миромъ опочилъ,
Нашъ труженикъ, по тяжкой жизни!
Глаза закрылъ, и позабылъ
Всѣ горести земной отчизны....
Блаженны мертвые: они
По крайней мѣрѣ перестали,
Въ предѣлахъ новой стороны,
Грѣшить, какъ прежде согрѣшали.
На вѣчный отдыхъ прилегли,
Безъ всякаго лицепріятья,
Въ объятьяхъ матери-земли
Усопшіе отцы и братья....
Такъ иногда, случалось, въ путь
Пойдешъ изъ родины далеко,
И на прощаньи кто-нибудь
Свое завистливое око
Со вздохомъ броситъ на тебя:
«Счастливецъ—молвитъ—уѣзжаешь!

Завидная судьба твоя!
Тамъ все найдешь, чего желаешь!...»
А между тѣмъ—какой же трудъ
Для путника, какое горе!
Ни опочить, ни отдохнуть,
Заботъ и безпокойства море!..
Вернулся бы назадъ, но ахъ,
По смерти нѣтъ уже возврата!
И не помогутъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Ни скорбь отца, ни дружба брата....

Не говорите жъ: «*опочилъ,*»
Когда на мертвеца глядите,
Но къ Господу Небесныхъ Силъ
Молитву лучше сотворите:
Владыко живота, Царю и Боже мой!
Усопшаго раба Ты душу *упокой!*—

XXVII.

На праздникѣ радостный Креста
Придите, братья, соберемся,
Прославимъ Господа Христа,
И съ жизнью нашею сочтемся!—

Вся наша жизнь земная—крестъ
Тяжелый, горестный, унылый...
И тягость эту перенесть
У насъ своей не стало бъ силы.
Но гдѣ терпѣнье, тамъ и Богъ
Съ Его всесильной благодатью!
Всѣ горести земныхъ тревогъ
Означены Его печатью.
Кого Онъ любитъ, для того
Не пожалѣетъ испытанья:
Терпи! и сердца своего
Не допускай ты до роптанья!—

Ни волосинки съ головы
Не упадетъ безъ Божьей воли:
Зачѣмъ же жалуетесь вы
На безотрадность вашей доли?—
Спокойно только въ небесахъ,
А *здѣсь* нужны и вихрь и грозы!
Велика благодать въ слезахъ,—
Благодарите вы за слёзы!—
    Не унывайте: Самъ Господь
Зоветъ къ Себѣ обремененныхъ;
Онъ васъ избавитъ отъ заботъ,
И упокоитъ утружденныхъ —
    Придите: припадемъ къ Нему,
Воспѣвши съ радостью великой:
Кресту святому Твоему
Мы поклоняемся, Владыко!—

XXVIII.

Катапетаспою закрыта Царска дверь;
За нею Самъ Господь съ божественною чашей.
Молись, душа моя, люби, надѣйся, вѣрь:
Вотъ—вотъ раскроется вся тайна жизни нашей!
Вотъ—вотъ отдернется завѣса предъ тобой,
И новый, чудный свѣтъ твои увидятъ очи,
Увидишь нову жизнь, и вступишь въ міръ иной,
Гдѣ здѣшнихъ нѣтъ уже ни лѣтъ, ни дня, ни ночи.
Гдѣ Вѣчность безъ конца, безъ мѣры, безъ числа,
О чемъ вообразить не достаетъ умѣнья....
Молись, душа, чтобъ ты сподобиться могла
И оправданія и славы Воскресенья!—

XXIX.

Съ благоговѣніемъ, немолчными устами,
Пою тебѣ хвалу, Святитель Митрофанъ!
Тебя прославилъ Богъ нетлѣнными мощами,
Ты, какъ сокровище, отъ Господа намъ данъ.
За подвиги твоей земной святѣйшей жизни
Ты изцѣленій даръ отъ Бога получилъ,
И изцѣляешь всѣхъ сыновъ твоей отчизны.
О, дай же Господи, Царю небесныхъ силъ,
Да умножаются молитвами твоими,
Святая вѣра въ насъ, надежда и любовь,
И, окруженные противниками злыми,
Да обрѣтемъ въ тебѣ защиту и покровъ!—
Моли Царя царей, да край родной—Россія
Пребудетъ вѣрною обычаямъ отцовъ,
И Православія всѣ правила святыя
Да соблюдаются у насъ во вѣкъ вѣковъ! —

Аминь.

THE LIBRARY OF CONGRESS

